

Чжу Цзи с улыбкой взглянул на них и произнес:

— К чему препираться с ребенком? Отпустите его добром, да и дело с концом. А те, кто его останавливал, тоже из семьи Цуй? Свяжите их и отправьте назад, пусть старшие в семье займутся их воспитанием.

Несколько стражников тут же схватили людей из семьи Цуй. Цуй Се, держа в руках коробку с едой, поклонился и проговорил:

— Премного благодарен господам за великодушие. У Цуй Се есть еще два дерзких прошения...

Чжу Цзи удивленно приподнял бровь:

— Так ты и сам понимаешь, что прошения дерзкие?

Цуй Се покорно склонил голову и ответил:

— Матушка хоть и виновна перед государством, но растила и опекала меня больше десяти лет, так как же я могу забыть о ее доброте? Раз мне не позволено свидание в тюрьме, я хотел бы хотя бы через ограду двора сотворить земной поклон матери в знак сыновней признательности. А в этой коробке — свежеприготовленные блюда, которые я только что принес из ресторации. Смею просить стражей, стерегущих матушку, принять это угощение в знак благодарности за их труд.

«Ишь ты! А у сына-то хребет покрепче, чем у отца. Тот, едва узнав, что госпожа Сюй совершила преступление, тут же поспешил отречься от нее. Только вот парень от учебы совсем умом повредился, до слепой сыновней почтительности дошел — к такой нечестивой и злобной женщине пришел с изъявлениями чувств».

Чжу Цзи кивнул в сторону, и один из стражников взял коробку с едой, сказав Цуй Се:

— Наш подканцелярий дал согласие, так что сотвори поклон да уходи побыстрее.

Чжу Цзи во главе отряда тронулся в путь. Се Ин обернулся и посмотрел на юношу — показалось, будто он едва заметно кивнул, а может, это была лишь легкая дрожь от покачивания в седле. Цуй Се проводил их взглядом. Чтобы доиграть спектакль до конца, он несколько раз громко окликнул матушку через высокую стену двора, во всеуслышание объявил, что готов искупить ее вину, после чего совершил три низких поклона до земли. Поднявшись, он вытер уголки глаз и с покрасневшим взором повел лошадь под уцы, направившись напрямиком в Управление по передаче докладов.

Управление по передаче докладов было местом, куда не только придворные чиновники подавали свои донесения, но и простые воины да жители империи могли направлять прошения и жалобы на несправедливость. Цуй Се, будучи сыном чиновника Министерства финансов, подавал лишь нижайшее прошение, а не жалобу в обход инстанций, так что правил не нарушал.

По дороге он задумался над тем, почему не смог вовремя пустить слезу. Выдернув волосок, он провел им по веку — и слезы тут же хлынули ручьем, отчего его вид сразу стал донельзя трогательным и искренним.

С заплаканными глазами он вошел в Управление, чтобы передать прошение. Делопроизводитель Управления по передаче докладов уже слышал о расследовании,

касавшемся его семьи. Увидев, что юноша принес челобитную, он из лучших побуждений посоветовал:

— Это дело утверждено высшим повелением, доказательства неопровержимы, и приговор никоим образом не отменить. Твой отец уже вознамерился расторгнуть брак с преступницей, к чему же тебе о ней печься? Купи ей потом добротный гроб, предай тело земле в подобающем месте — вот и выразишь сыновнюю почтительность.

Из глаз Цуй Се покатились слеза. Зажмурившись на мгновение, он ответил:

— Ученому известны законы Поднебесной, но как сын я не могу хладнокровно смотреть на страдания матери. Пока она остается моей матерью, я обязан исполнять сыновний долг и просить за нее. К тому же дома ждут престарелые госпожа Сун и дедушка, а также малолетние братья и сестры. Если матушку подвергнут каре, кто же станет заботиться о старых да малых?..

Делопроизводитель числился на службе по протекции предков и хоть не сдавал государственных экзаменов, рос на чтении канонов. Ему оставалось лишь восхвалять сыновнее милосердие, ведь он не мог запретить проявление почтительности, пусть даже не столь заслуженной. Глядя на опухшие от слез глаза и покрасневший кончик носа Цуй Се, чиновник невольно вздохнул над несправедливостью небес: надо же, у такой злобной женщины вырос столь замечательный сын! Покачив головой, он сказал:

— Ступай домой и жди известий. Дежурить у нашего ведомства бессмысленно, я непременно передам твое прошение наверх.

Отправив Цуй Се восвояси, он вложил его бумагу в стопку челобитных и жалоб, поступивших от жителей разных провинций, и передал по инстанции.

Доклады из Управления по передаче докладов вскрывали на следующее утро прямо в присутствии государя. Высшие евнухи из Управления церемоний, разбирая донесения, увидели прошение от цяннаньского сюа Цуй Се за госпожу Сюй и ощутили некоторое замешательство.

«Эта госпожа Сюй еще недавно из зависти и ненависти к пасынку подала анонимный донос на чиновника, а теперь ее пасынок пишет за нее заступническое прошение?

Неужто в нашей династии Великая Мин появился свой Минь Цзыцян?»

Евнух Гао, который уже раньше замолвил за юношу слово перед Сыном Неба Чэнхуа, тут же взял прошение и, поздравив императора, сразу задал нужный тон:

— Говорят, верные слуги выходят из семей, где чтят сыновний долг. Но я думаю, верно и обратное: почтительные сыновья рождаются у верных подданных! Император первым отметил его верность и благородство, и оттого юноша проникся еще большим стремлением к добродетели и сыновней почтительности, проявив ныне такое великодушие!

Другой евнух-секретарь, Сяо Цзин, мазнул взглядом по письму и неторопливо заметил:

— Евнух Гао рассуждает красиво, однако дело госпожи Сюй утверждено самим императором. Если Цуй Се пытается обелить госпожу Сюй, не означает ли это пренебрежение монаршей милостью?

Евнух Гао спокойно возразил:

— Связь матери и сына заложена самой природой, и желание сына защитить мать отвечает законам небес. К тому же этот юный праведник знает, что такое преданность государю. Евнух Сюй еще не прочел послание, откуда же ему знать, что он просит об освобождении госпожи Сюй?

Главный евнух Тань Чан взмахнул мухосгоном, примиряя спорящих:

— Имеет ли это прошение вес, судить императору. Евнух Гао, зачитай же.

Сын Неба Чэнхуа прищурился, откинувшись на троне: ему и самому было любопытно, с чем обратился Цуй Се.

«Неужели на свете и вправду есть столь совершенный человек, который не питает зла к оговоршей его госпоже Сюй и просит за нее? Если найдется такой образец верности и сыновней любви, стоит подать его в пример наследный принцу, пусть поучится подобной широте души. Супруга Вань уже в годах, подорвала здоровье ради государя, осталась без детей и не рвется к власти — почему же чиновники и наследный принц никак не проявят к ней великодушия?»

Император Хунчжи вздохнул, приготовившись слушать, пока евнух Гао зачитывал письмо.

К всеобщему удивлению, Цуй Се не пытался обелить госпожу Сюй и даже почти ничего не написал о том, как она о нем заботилась. Он лишь указал, что лишился матери во младенчестве и рос под опекой госпожи Сун. Госпожа Сюй должна была оказывать уважение свекру и свекрови, служить мужу и растить собственного сына, оттого не могла уделять ему постоянного внимания. Однако госпожа Сюй вела домашнее хозяйство и воспитывала детей, и все эти труды были у него на виду. Как же он мог не чувствовать благодарности и не проявлять сыновней почтительности к хозяйке, без усталости хлопотавшей на благо семьи Цуй?

Но госпожа Сюй дерзнула подать тайный донос на чиновника, едва не погубив честного, подлинно любящего народ начальника уезда Ци. Начальник уезда Ци, заботясь о вверенном ему крае, подобно отцу и матери относился к подданным, наставлял его в науках и вдохновлял на учебу. Кабы не забота и руководство начальника уезда Ци, юноша никогда не завоевал бы первенство на всех трех начальных экзаменах.

Ныне же законная мать вознамерилась навредить уважаемому сановнику его родного края, поставив сына в неразрешимую дилемму: он не смеет молить за нее, но и молчать не в силах. Вина госпожи Сюй не заслуживает прощения, однако как сын может равнодушно смотреть на ее наказание? С детских лет он испил всю горечь утраты матери — так как же ему вынести, если и его малолетние братья и сестры познают ту же боль?

Оказавшись в тупике, он лишь молил императора Хунчжи об их милосердии: позволить ему принять кару вместо госпожи Сюй, а саму женщину отпустить домой под надзор главы семейства.

Зачитывая прошение, евнух Гао время от времени украдкой поглядывал на императора Хунчжи, опасаясь, как бы император Хунчжи и впрямь не согласился переложить вину госпожи Сюй на плечи юноши. К счастью, Сын Неба Чэнхуа отличался великодушием и не прогневался на эту дерзость. Напротив, прикрыв глаза, он с одобрением вздохнул:

— А этот Цуй... Цуй Се поступил достойно. Старший сын... должен обладать... широтой души. Главное — согласие в семье...

Тань Чан осторожно спросил:

— Император желает исполнить его просьбу и помиловать преступную госпожу Сюй?

Помиловать... но ведь нельзя же простить просто так!

Госпожа Сюй велела подбросить анонимное обвинение против чиновника, положив начало дурной традиции. Каковы же будут законы государства, если не покарать строго за такое? С другой стороны, челобитная Цуй Се тронула сердце государя. Он планировал показать этого самоотверженного и почтительного сына наследный принцу. Если же полностью отвергнуть прошение и сурово наказать преступницу, юноше придется носить траур по матери, и тогда его нельзя будет призвать ко двору.

Сын Неба Чэнхуа поджал губы, взял лист бумаги и начертал высочайшее повеление: «За анонимный донос позволить семье Цуй выкупить наказание медью, за ложный оговор выкуп запретить. Поскольку у нее есть родной сын, пасынку не надлежит принимать за нее кару. Принимая во внимание малолетство родного сына, позволить ему сослать мать на границу и незамедлительно вернуться обратно».

Когда высочайший указ доставили в Управление Чжэньфусы, Се Ин велел привести госпожу Сюй в зал и зачитал решение, после чего приказал приготовить дубины и приступить к наказанию.

Госпожа Сюй от ужаса едва не лишилась чувств и закричала Се Ину:

— За что вы меня бьете?! Вы же говорили, что от побоев палками можно откупиться! Я готова отдать все свои личные сбережения! Мой родной дом выплатит выкуп!

Се Ин, восседая в судейском кресле, холодно ответил:

— Я говорил, что выкуп дозволен знатым дамам с титулом гаомин и женам военных чинов. Но тебя еще до заключения в тюрьму лишили гаомин, о каком выкупе речь? Скажу тебе правду: по закону тебя следовало приговорить к удушению. Лишь благодаря твоему старшему сыну, который подал челобитную с просьбой принять казнь вместо тебя, император смялосердился. Государем дарована особая милость: разрешено семье выкупить твою жизнь от смертной казни и повелено твоему родному сыну сопровождать тебя на охранную заставу Пинхай в Фуцзяни для отбывания наказания.

<http://bllate.org/book/18372/1761338>